

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-39-52

УДК 94

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Вторая мировая война в исторической памяти и мемориальной политике Франции: призрак Виши и патриотическая мифология Сопротивления (1944–1960-е годы)

Аннотация. *Образ Второй мировой войны в исторической памяти французов имеет ярко выраженную специфику, связанную прежде всего с бинарностью места Франции в этом планетарном конфликте, но также и с целым рядом других факторов. Травмы капитуляции и коллаборации, внутренний разлом между режимом Виши и Сопротивлением, непростая история вишизма, капитальные повороты в политическом контексте второй половины XX в. обрекли Францию на мучительные конфликты памяти о военном периоде и разительные метаморфозы в его символической презентации. Основное внимание в статье уделяется первой фазе этого процесса, которая прошла под знаком двух доминант: вытеснения из публичного дискурса темы коллаборации и становления так называемого сопротивленческого мифа — редуцированной и героизированной версии памяти о Второй мировой войне в ее голлистском патриотическом наполнении.*

Ключевые слова: *Франция, Вторая мировая война, историческая память, политика памяти, режим Виши, коллаборация, Сопротивление, де Голль, сопротивленческий миф, коммеморация 8 мая.*

Историческая память как важнейшая часть исторического сознания по определению избирательна, фрагментарна, в разной степени субъективна и в этом смысле мифологична. В современном обществе она неизбежно испытывает влияние научного знания о прошлом и, в свою очередь, влияет на направленность исторических исследований. При этом в еще большей степени, чем профессиональная историография, историческая память переплетена с меняющимся социальным, политическим, идейным контекстом и подвержена инструментализации, возможности которой резко расширились в эпоху масс-культуры и медийно-цифровых технологий.

Представления о Второй мировой войне превратились в наше время в одну из самых политизированных областей исторического сознания, где в глобальном масштабе ведутся настоящие «войны памяти». В умах современных поколений европейцев и американцев прочно укоренились определенные мифы или доминанты памяти,

Сведения об авторе: *Нарочницкая Екатерина Алексеевна — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, кандидат исторических наук, ye_naroch@inbox.ru*

заданные идеологией и геополитикой. Основные западные нарративы о той войне хорошо известны: прославление США как главного освободителя Европы, минимизация (если не отрицание) роли СССР в разгроме нацизма, уравнивание гитлеризма и сталинизма, представление крупнейшего планетарного конфликта через призму борьбы «демократии и тоталитаризма», эксклюзивная концентрация внимания на теме Холокоста...

Все эти общие для Запада мотивы, усилившиеся в последние 30–40 лет, типичны в том числе и для Франции. Вместе с тем память французов о 1939–1945 гг. имеет ярко выраженную национальную специфику, обусловленную прежде всего принципиальной неоднозначностью — почти бинарностью — места Франции во Второй мировой войне и ее исторического опыта в этот судьбоносный для человечества период.

Французская специфика и конфликты памяти

Военное столкновение с Третьим рейхом вылилось для французов в едва ли не самую тяжелую травму в их истории, причем травму множественную. Великодержавная Франция, с ее идеологическим и культурным мессианизмом, не только испытала молниеносный разгром вековым врагом, фактическую капитуляцию и четырехлетнюю оккупацию. Республика, претендовавшая на воплощение девиза «Свобода, равенство, братство», сменила политический строй на режим личной власти во главе с маршалом Ф. Петеном (Французское Государство со столицей в Виши) и пошла по пути коллаборации с Третьим рейхом.

Однако часть французов (а также французских колониальных владений) либо сразу вслед за де Голлем не признали поражение и режим Виши, либо, в подавляющем большинстве случаев, примкнули к сопротивлению в дальнейшем. Вне метрополии и внутри нее возникли патриотическое движение и правительство в изгнании. Политические органы опиравшейся на колонии «Свободной Франции» (с 1942 г. — «Сражающейся Франции») были признаны партизанским подпольем на оккупированной территории, а ее регулярные вооруженные силы участвовали в боевых действиях против сил Оси в Северной Африке, на Ближнем Востоке и после открытия второго фронта в Европе. В итоге французское Сопротивление в его разных компонентах сумело не только консолидироваться, но и внести определенный вклад в борьбу антигитлеровской коалиции, а главное, утвердить себя в качестве легитимного представителя французского народа в глазах «большой тройки» и остальных союзников.

Благодаря этому, а также геополитической конъюнктуре, дипломатическим усилиям де Голля и, не в последнюю очередь, поддержке СССР Франция в 1945 г. оказалась в клубе держав-победительниц. На соответствующих привилегиях — постоянного члена Совета Безопасности ООН, обладательницы особых прав и обязанностей в отношении Германии — в немалой мере зиждился ее неординарный статус в послевоенной международной системе. И все же из Второй мировой войны Франция вышла капитально ослабленной. Основы Ялтинско-Потсдамского порядка закладывались без

участия ее представителей (что среди прочего объясняет последующую фронду всех французских политических течений в отношении «Ялты»).

К травмам капитуляции и вишизма присоединилась травма внутреннего разлома по нескольким линиям: между пораженцами и сопротивленцами, коллаборантами и комбатантами, традиционалистами-петенистами и убежденными республиканцами, обывателями и носителями гражданского мышления... Трещины раскола, особенно чувствительного в драматическом контексте тех лет, и компрометирующий опыт оставили след во всех социальных группах, стратах, структурах, включая и правые, и левые политические партии, чиновничество и деловые круги, армию, церковь и проч.

Все это, во-первых, обрекло послевоенную Францию на фундаментальные конфликты исторической памяти о Второй мировой войны, а во-вторых, предопределило особую идеологическую и политическую нагруженность отражения периода оккупации в рефлексии и дискурсе, в политике, культуре, науке.

Кроме того, на образе войны 1939–1945 гг. в сознании французов особым образом сказалась память о других вооруженных конфликтах XX столетия. Прежде всего — о Первой мировой, или, как ее чаще называют во Франции, Великой войне, в которой они понесли гораздо бóльшие людские потери: около 1,4 млн погибших военнослужащих против 250 тыс. (плюс 350 тыс. гражданских жертв) в 1939–1945 гг. Поставленные после той войны бесчисленные мемориалы, имеющиеся в любом французском городе и селении, служат местом коммеморации погибших в обеих мировых схватках. Причем наложение двух пластов военно-исторической памяти в этом случае не могло обойтись без неразрешимых коллизий. Самый яркий, но не единственный пример — дилемма места в национальной истории Ф. Петена, героя 1914–1918 гг. и антигероя 1940–1944 гг. [см.: Бурлаков]. Споры вокруг правомерности церемоний в честь «победителя битвы при Вердене» до сих пор разгораются в каждую годовщину Компьенского перемирия [1].

Становление французской мифологии Второй мировой войны происходило на фоне деколонизации, которая в части французских владений приняла самую болезненную кровопролитную форму. Особенно травмирующий эффект имела Алжирская война. Как и Вторая мировая, она расколола французское общество и привела к смене государственного устройства. Более того, связанные с Алжиром (и колониальным прошлым в целом) травмы и конфликты памяти [см.: Канинская] со временем не только не сгладились, но и приобрели, в результате массовой иммиграции, новую актуальность и новые измерения. Сегодня для миллионов жителей Франции с алжирскими корнями дата 8 мая 1945 г. в не меньшей мере символизирует начало Алжирского восстания и его жестокого подавления, чем победу над нацистским рейхом [2]. Растущее воздействие колониального и миграционного факторов на коллективную память французов, включая образ Второй мировой войны, на историческую политику и полемику вокруг нее не вызывает сомнений [см., напр.: Blanchard, Veyrat-Masson; Аникин, Яровая], а разноплановые векторы этого воздействия требуют дальнейшего анализа.

Говоря о французской специфике, нельзя не отметить и такую особенность Пятой республики, как прямая роль политической власти в конструировании исторической памяти. Вслед за де Голлем все французские президенты (за исключением разве что Ж. Помпиду) лично задавали те или иные доминанты дискурса о Второй мировой войне. Франция наряду с Германией стояла у истоков международного тренда к законодательному регулированию исторических трактовок, причем сама серия французских «законов памяти» началась с введения уголовной ответственности за отрицание Холокоста.

За прошедшие более чем три четверти века репрезентация Второй мировой войны во Франции претерпела существенные, а в некоторых отношениях и кардинальные метаморфозы. В историографии встречаются разные варианты периодизации этой трансформации — более или менее дробные, выделяющие те или иные рубежные даты между этапами. Рассматривая эволюцию за восемь десятилетий и учитывая, что конкретные рубежи в многоаспектных процессах всегда условны, имеет смысл сложить отдельные этапы в три большие фазы, выделив их ключевые тенденции. Первая фаза, охватывающая период с момента освобождения летом 1944 г. по конец 1960-х годов, в целом прошла под знаком двух доминант: вытеснения памяти о коллаборации Виши и формирования патриотической мифологии Сопротивления.

Вытеснение «призрака» коллаборации

9 августа 1944 г., еще до полного освобождения метрополии Франции от оккупации, высший орган Сопротивления, переименованный во Временное правительство Французской Республики, принял декрет о «восстановлении республиканской законности», в котором объявил режим Виши «нелегитимным и недействительным» (*illégitime, nul et non avenue*). Данный законодательный вердикт, использовавший юридическое понятие недействительности, не только решал вопрос власти, но и фактически выводил просуществовавшее четыре года Французское государство за скобки национальной истории. На этом краеугольном тезисе и выстраивался в последующем «официальный» образ Франции во Второй мировой войне. Проблема заключалась в том, что такая оценка режима Виши плохо согласовалась с историческими фактами.

Самые разные течения научной историографии сходятся в том, что петеновское государство не было марионеточным, навязанным извне, несмотря на то что решающую роль в его возникновении сыграли чрезвычайные обстоятельства. Невозможно отрицать, что у режима Виши имелись почвенные корни в виде антиреспубликанской идейно-политической традиции и все признаки легитимности: легальная процедура конституирования, впечатляющая общественная поддержка как минимум до ноября 1942 г. и международное признание.

За изменение конституции, а затем передачу всей полноты власти Ф. Петену обе палаты парламента Третьей республики проголосовали подавляющим большинством [подр. см.: Канинская]. Заключение «перемирия», т.е. соглашения о коллаборации

с Гитлером, отвечало настрою французского общества, морально сломленного и желавшего мира любой ценой, что стократно подтверждено архивами и исследованиями. Неслучайно автор «Большой истории французов под оккупацией» А. Амуру назвал второй том этой серии «Сорок миллионов петенистов» [Amouroux; см. также: Бурлаков; Дувет; Канинская]. Сам глава Французского Государства оставался объектом поклонения сограждан даже весной 1944 г., да и во второй половине XX в. культ маршала имел многочисленных последователей. (Даже в 1993 г. всего 38% французов были согласны с тем, что Петен «предал Францию» [Le regard... P. 34].). Наконец, из примерно 50 существовавших тогда в мире государств 40 признали режим Виши и установили с ним дипломатические отношения, причем если СССР разорвал их через год, то многие другие, включая США и Канаду, — не ранее ноября 1942 г. или позже, а некоторые (например, участница антигитлеровской коалиции Австралия) формально поддерживали их до самого конца.

Однако лидер «Свободной Франции», глава Временного правительства, а затем основатель Пятой республики де Голль всегда неизменно настаивал на оценке коллаборационистского Французского государства как «нелегитимного и недействительного». В день освобождения Парижа он категорически отверг предложение провозгласить Республику: «Республика никогда не прекращала существовать... Виши всегда был и остается недействительным». Нередко цитируемая, эта реплика вошла в число реперных точек национальной памяти.

Вычеркивание «росчерком пера» вишизма из французской истории, несостоятельное с объективно-научной точки зрения, имело идеолого-политическое обоснование и оправдание. Эта позиция отвечала деголлевскому видению места Франции в истории и ее высших интересов в судьбоносный период послевоенного переустройства, когда на кону оказались выход из национальной катастрофы, восстановление суверенитета (далеко не гарантированное, с учетом планов США [3]), гражданское примирение и позиции страны в будущем миропорядке. Как бы то ни было, вишизм был безоговорочно выведен за рамки французской истории на уровне законодательства, а затем и государственной исторической политики.

За освобождением последовала неизбежная стадия сведения счетов и наказания коллаборантов. Но если начало чисток едва не переросло в гражданскую войну, сопровождаясь обвинениями против нескольких сотен тысяч человек и, на низовом уровне, внесудебными казнями [4], то затем официальное преследование приняло избирательный характер и в трех случаях из четырех завершилось оправданием либо амнистией. Пропорционально к численности населения количество осужденных за коллаборацию оказалось во Франции в разы меньше, чем, например, в Норвегии, Бельгии, Голландии или Дании.

Общий вектор быстро смещался в сторону национального примирения. К началу 1950-х годов тематика недавней войны, и прежде всего коллаборации, в основном ушла на периферию публичного дискурса, вытесняемая как потребностью перевернуть

темную страницу прошлого, так и бурной повесткой Четвертой республики, сосредоточенной на внутриполитических распрях, колониальных интервенциях и холодной войне с советским блоком.

Оборотной стороной формального «забвения» вишизма стало его (полу)оправдание в логике теории «меньшего зла», или «щита и меча». Суть теории состояла в следующем. Пойдя на компромиссы с Гитлером, петеновское государство уберегло французов, включая и французских евреев, от еще худшей участи, грозившей им под пятой нацистских оккупантов. Де Голль был мечом Франции, а Петен — щитом, защищавшим ее в ожидании момента, когда меч окрепнет и поразит врага. Эти тезисы в законченном виде впервые прозвучали в мае 1945 г. в ходе процесса над маршалом в речи его адвоката Ж. Изорни. И хотя суд отверг такую интерпретацию, она импонировала большинству французов и глубоко вошла в массовое сознание, надолго став еще одной реперной точкой памяти о периоде оккупации. Метафору «меча и щита» приписывали Петену и даже самому де Голлю (последнее — ошибочно, согласно последующим исследованиям). Почитатели маршала и бывшие функционеры вишистского режима, со своей стороны, принялись активно продвигать эту концепцию, подкрепляя ее версиями о «секретных миссиях» и настаивая на хотя бы частичной реабилитации Французского государства [5].

Ключевой вехой в формировании образа петеновской Франции считается вышедшая в 1954 г. семисотстраничная «История Виши» историка Робера Арона, насыщенная непубликованными на тот момент документальными материалами и многочисленными свидетельствами [Aron]. Сторонясь как апологии вишизма, так и его однозначного осуждения, книга проводила концепцию двойственной сущности петеновского режима. Вишисты предстали в ней разделенными на две принципиально разные категории: немногих реальных союзников гитлеровцев вроде П. Лавалья — и всех остальных, кто, как Ф. Петен, видел в соглашении с Гитлером временный щит для спасения французской нации. Цитируя крылатую фразу о Петене-щите и де Голле-мече, автор выразил согласие с ней, добавив от себя: «Оба были в равной степени необходимы Франции» [Aron. P. 528].

Книга Р. Арона, в 1974 г. избранного во Французскую академию, около 20 лет считалась главным трудом по истории Виши. Разошедшаяся за все годы тиражом порядка 100 тыс. экземпляров, она резонировала со стремлением переживших оккупацию поколений французов найти способ примирения с собственной историей и оправдать национального кумира Петена. Теория «щита и меча» позволила им смотреть на недавнее прошлое, говоря словами известного американского франковеда С. Хоффмана, «не вскрывая раны, которые события 1940–44 гг. оставили в национальном сознании и самоуважении французов» [Hoffman. P. 375].

Комплекс связанных с этими ранами мучительных метаний французской исторической памяти впоследствии получил наименование «синдром Виши» — понятие вошло в широкий научный и общественный оборот после выхода в свет в 1987 г. одноименной книги А. Руссо [Rousso].

До 1970-х годов внимание к самым темным страницам истории Виши находилось под негласным табу, исходившим как от власти, так и от самого общества, включая социoproфессиональные группы, вовлеченные по роду занятий в формирование исторических представлений. В тени оставались профашистские взгляды и роль таких фигур, как казненный П. Лаваль, М. Деа, Ж. Дорио с их сторонниками; антисемитские законы и участие Французской милиции в депортациях евреев; Легион французских добровольцев и дивизия СС «Шарлемань», воевавшие в нацистских войсках на восточном фронте; иные аспекты коллаборационизма и сам процесс трансформации петеновского режима от антиреспубликанского традиционализма 1940–1941 гг. к профашистскому тоталитаризму 1943–1944 гг.

Характерен казус с документальным фильмом «Ночь и туман», снятым в 1955–1956 гг. кинорежиссером А. Рене по заказу государственного Комитета истории Второй мировой войны к десятилетию освобождения нацистских концлагерей. По требованию заказчика создателям фильма пришлось закрыть часть архивного кадра, на котором зрители могли узнать по форменному кепи французского охранника концлагеря в Питивье, откуда евреев вывозили в Освенцим. Достоянием гласности этот факт стал спустя десятилетия.

Болезненные для французов темы периода оккупации вытеснялись не только из массового сознания и публичного дискурса. Французские академические историки до конца 1960-х годов тоже обходили их стороной, тем более что научные традиции того времени не предполагали обращения к недавнему прошлому. Вышеупомянутый Комитет истории Второй мировой войны, созданный в 1951 г., отдавал предпочтение составлению карт и публикации документов. Издаваемый им ежеквартальный журнал *Revue d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale* крайне редко публиковал статьи о петеновском государстве, а немногие такие работы касались лишь узких вопросов [см.: Azema, Bedarida].

Подразумевало ли все это примирение с вишистским прошлым и тем более его оправдание, как нередко трактуют «синдром Виши»? С неангажированных позиций, для такой интерпретации нет достаточных оснований. Прежде всего, вычеркивание из национальной истории (голлисткая позиция) вовсе не равнозначно примирению и оправданию, а скорее противоположно. Кроме того, параллельно существовали и находили свое выражение обличительные версии памяти, о которых теперь в основном умалчивают или упоминают как о маргинальных явлениях. Часть голлистов, ассоциации комбатантов, сильный левый фланг политического спектра в лице коммунистов и части социалистов, — все эти круги решительно, хотя и безуспешно, протестовали против амнистий в отношении коллаборантов и вообще были далеки от реабилитации вишизма.

Французская коммунистическая партия (ФКП) характеризовала вишизм как разновидность фашизма и репрессивную диктатуру монополий, именуя себя «партией 75 тысяч расстрелянных». Вот цитата из переведенной в СССР книги Ж. Виллар, где

довольно подробно обосновывались тезисы о коллаборационизме Виши в экономике и политике: «...авторитарное государство, всемогущие финансовой олигархии, жестокие репрессии против наиболее последовательных врагов гитлеризма, социальная демагогия, антисемитские законы — все это доказывало, что Франция успешно осваивает фашистские методы» [Виллар. С. 159]. Учитывая масштабы послевоенной популярности французских коммунистов, за которых вплоть до конца 1970-х годов неизменно голосовало порядка 20–25% избирателей, влияние их нарративов вряд ли можно считать маргинальным, даже если оно было нишевым, замкнутым на леворадикальную среду. Со временем, начиная с 1960-х годов, в орбите ФКП и журнала *Cahiers d'histoire* сложилось и более свободное от партийной индоктринации (около)марксистское направление научного исследования истории Виши, делавшее упор на таких ее аспектах, как коллаборационизм крупного патроната, репрессии против борцов Сопротивления, антиеврейские преследования.

Участие режима Виши в преступлениях Холокоста изначально находилось в фокусе внимания целого ряда еврейских активистов и ассоциаций — например, основанного в 1945 г. в Париже (эмигрантами из России) Центра современной еврейской документации или Союза евреев за Сопротивление и взаимопомощь. Во второй половине 1950-х годов вышло трехтомное исследование Ж. Биллига о деятельности Генерального комиссариата по еврейским вопросам при правительстве Виши [см.: Joly]. Эту тему неоднократно поднимали отдельные интеллектуалы, деятели культуры, журналисты, в том числе А. Шварц-Барт, чей роман «Последний из праведников» получил в 1959 г. Гонкуровскую премию и стал одним из бестселлеров.

Таким образом, уже в первом послевоенном десятилетии проявились три существенно разных вектора исторической памяти о Виши: 1) исключение из национальной истории, рефлексии и — на этом основании — забвение; 2) «ревизионистская» (полу)реабилитация, с избирательным забвением очевидно компрометирующих фактов; 3) концентрированное осуждение в логике марксистско-классовой теории фашизма и/или темы антисемитизма и геноцида. Две первые парадигмы в том или ином соотношении (которое едва ли можно оценить) преобладали в общенациональном масштабе, третья доминировала в части левой среды, прежде всего ее коммунистическом сегменте.

Становление патриотической мифологии Сопротивления

Однако центральной доминантой французского дискурса о Второй мировой войне стала «другая Франция» — сражавшаяся на стороне победившей антигитлеровской коалиции, что с точки зрения психологии памяти было закономерно. Нарративы прославления Сопротивления, с преувеличением его масштабов, громко зазвучавшие сразу после освобождения, хорошо иллюстрирует фильм «Битва на рельсах», удостоенный нескольких призов Каннского кинофестиваля 1946 г. Воспроизводя с документальной точностью ряд реальных эпизодов и манипулируя кинематографическими приемами, создатели картины создали иллюзию нарастающего вовлечения в тайную борьбу с ок-

купантом всех французских железнодорожников — как примера коллективного героизма французского народа [анализ языка фильма см.: Bertin-Maghit].

Впрочем, с уходом де Голля в оппозицию, изгнанием коммунистов из правительства и сменой актуальной повестки резко ослабел и сопротивленческий дискурс. Четвертая республика, погрязшая в правительственных кризисах, в принципе не имела внятной мемориальной политики, а правившие в ней политические элиты не были заинтересованы подчеркивать вклад французских комбатантов и подпольщиков в исход войны.

Лишь в 1953 г. под давлением левых депутатов и ветеранских организаций 8 мая было сделано выходным днем. При этом в тексте соответствующего закона странным образом говорилось о праздновании не победы, а «перемирия», хотя в 1945 г., в отличие от 1918 г., Германия сразу подписала безоговорочную капитуляцию; подмена слов отражала взятый курс на франко-германское примирение и европейскую интеграцию [Dalisson].

На уровне общественных инициатив, а также в различных территориальных единицах ситуация с коммеморацией Второй мировой войны складывалась по-разному. Во многих коммунах, где мэрии возглавляли коммунисты, День победы праздновали не 8, а 9 мая, в других местах он порой вовсе не отмечался из-за близости ко Дню Жанны д'Арк и другим майским праздникам. Голлисты придавали наибольшее значение июньской церемонии, которую они ежегодно проводили в память об историческом воззвании своего лидера к продолжению борьбы, переданном по лондонскому радио 18 июня 1940 г.

Только с возвращением де Голля к власти и основанием Пятой республики формирование устойчивой доминанты памяти о Второй мировой войне вступило в решающую стадию. Государство перешло к целенаправленной и напористой мемориальной политике, вернув в центр дискурса Соппротивление, отождествляемое со всем французским народом и с Францией как субъектом истории.

Такое отождествление было принципиальной установкой де Голля, которую он со всей ясностью выразил еще в своей знаменитой речи 25 августа 1944 г. по случаю освобождения столицы: «...Париж освобожденный! Освобожденный своим народом, с помощью Вооруженных сил Франции, но также при поддержке всей Франции, Франции, ведущей бой, единственной Франции, подлинной Франции..» (курсив мой. — Е.Н.) [Discours...].

Состоявшееся в 1964 г. торжественное перенесение в Пантеон останков Ж. Мулена, замученного в застенках гестапо, символизировало капитальное значение, которое отныне придавалось теме Соппротивления в исторической памяти и мемориальной политике.

Министерство образования ввело постоянно действующий (до сих пор) «Национальный конкурс Соппротивления и депортаций», призванный «увековечить среди молоде-

жи память о Соппротивлении и депортациях в годы Второй мировой войны, с тем чтобы эта память служила гражданскому воспитанию» [Participer au concours...].

Как ни парадоксально, культ Соппротивления сопровождался понижением в статусе празднования победы 8 мая. Главным мероприятием официальной коммеморации войны в голлистский период стала ежегодная церемония 18 июня у возведенного в 1960 г. мемориала «Сражающейся Франции» на холме Мон-Валерьян под Парижем, где гитлеровцы казнили порядка тысячи участников Соппротивления и заложников. День победы был сочтен «слишком международным», заслоняющим приоритетные для Франции элементы памяти. (Возможно, свою роль сыграл ресентимент де Голля в отношении бывших союзников, в особенности антифранцузских проектов военной дипломатии Рузвельта). Из календаря выходных дней 8 мая вычеркнули уже в 1959 г., невзирая на поднявшийся шквал протестов, а для коммеморации победы вновь отвели второе воскресенье мая, как в 1946–1952 гг. Единственное исключение было сделано для 20-летнего юбилея окончания войны, отмеченного Францией с большим размахом и вызвавшего общественное воодушевление, которое показало, что французы придают победе 1945 г. колоссальное значение. Регулярное проведение 8 мая официальных памятных церемоний возобновилось с 1968 г., но День победы оставался рабочим.

Особо стоит отметить негативное отношение де Голля к коммеморации высадки союзников в Нормандии, тем более что оно выбивалось из общего ряда, контрастируя с позицией и ряда его министров, и последующих французских президентов. Торжества 1964 г., посвященные 20-летию англо-американской операции «Нептун», прошли в отсутствие высшего руководителя Франции. По свидетельству его доверенного лица, (в тот момент) министра информации А. Пейрефитта, де Голль, объясняя ему свое решение, с возмущением вспоминал о планах, которые вынашивали США перед открытием второго фронта: «Высадка 6 июня, это было дело англосаксов, из которого Францию исключили. Они были полны решимости устроиться во Франции как на вражеской территории! Так же, как они перед этим сделали в Италии и как собирались сделать в Германии! Они приготовили свой AMGOT [6], который должен был суверенно управлять Францией... напечатали свои псевдобанкноты.... И вы хотите, чтобы я поехал на коммеморацию их высадки... К тому же, это создавало бы впечатление, будто мы обязаны своим освобождением одним американцам...» [Peurefitte. P. 85].

Напротив, 20-летие высадки союзных войск в Провансе 15 августа 1944 г. (операция «Драгун»), где силы «Сражающейся Франции» играли важнейшую роль, было отмечено торжественным открытием национального некрополя в Булурисе и мемориала освобождения Прованса в Мон-Фароне — в обоих случаях лично первым президентом Пятой республики.

Голлистская политика героизации роли Франции во Второй мировой войне нашла отклик в обществе, травмированном капитуляцией 1940 г., оккупацией и деколонизацией. Ее успеху способствовало то, что главная сила оппозиции — ФКП продвигала созвучные нарративы, хотя и со своими акцентами. Отличия заключались в том, что

коммунисты больше прославляли внутреннее Сопротивление, поднимая на щит собственные жертвы («партия 75 тысяч расстрелянных»), подчеркивали решающий вклад СССР в победу и жестче осуждали вишизм, не вынося, впрочем, последний вопрос на первый план. Голлисты же культивировали в первую очередь коллективный образ борьбы французской нации за родину и свободу.

Французская профессиональная историография, со своей стороны, развивалась в направлениях, которые не создавали серьезного диссонанса с сопротивленческим дискурсом. Как позже утверждал А. Руссо, исследователи, работавшие под эгидой Комитета истории Второй мировой войны в 1950-1960-е годы, интересовались «довольно мало историей режима Виши, почти совсем не интересовались историей его антиеврейской политики, но зато уделяли много внимания истории Сопротивления, депортациям (вне связи с расизмом) и репрессиям со стороны немцев» [Roussou, Petit. P. 73].

Уже не раз было сказано, что во Франции послевоенных десятилетий «история выполняла терапевтическую и педагогическую функции», что «обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации» [Шеррер. С. 94]. Само по себе это в целом бесспорно, но оставляет за кадром главный вопрос — полезными с какой точки зрения, с позиций каких ценностей, интересов, задач? Кроме того, никакая интерпретация собственной истории в памяти народа и общества не сводима к утилитарным задачам. Коль скоро историческая память участвует в воспроизводстве и эволюции национальной идентичности, она неразрывно связана с фундаментальным измерением общественного сознания — мировоззрением, идеалами, целеполаганием.

Голлистская версия памяти, с ее героическим культом Сопротивления и отторжением Виши, конечно же, служила практическим задачам политики того времени, таким как легитимация институтов Пятой республики и самого де Голля во главе государства, внутренняя консолидация, преодоление травм вишизма и деколонизации, мобилизация общества на форсированное развитие страны, отстаивание международной роли Франции. В мировоззренческом плане она культивировала патриотические, гражданские, гуманистические ценности, принципы и идеалы, которые составляли неотъемлемую часть политической философии голлизма, национальной идеи де Голля, его убежденности в исторической субъектности и «величии» Франции, его видения потребностей и векторов как французской, так и мировой истории [подробнее см.: Нарочницкая, Ч. 1, 2].

Утвердившаяся в голлистский период редуцированная и героизированная версия памяти о Второй мировой войне вскоре подверглась интенсивной ревизии. Новые поколения заново открывали для себя вишистское прошлое Франции, а фокус памяти о войне сместился на темы Холокоста и соучастия Виши в нацистской программе уничтожения евреев. Одновременно нарративы, чествующие Сопротивление, стали предметом системной критики, именующей их сопротивленческим мифом в прямолинейно отрицательном смысле — как антитезы истины. А. Руссо, чья резонансная книга «Син-

дром Виши» сыграла заметную роль в смене системы координат, поднял эту критику на концептуальный уровень, дополнив ее негативно окрашенным концептом «сопротивленчество» и трактуя сопротивленческий миф прежде всего как маргинализацию в памяти всего связанного с вишистским режимом [Roussso. P. 21].

Анализ как этой, так и последующей, современной, фазы в процессе трансформации памяти о Второй мировой войне во Франции выходит за рамки данной статьи. Однако несколько общих замечаний будут нелишними.

Природа исторической памяти, как известно, подразумевает избирательность, символичность и в этом смысле — определенную мифологичность. Проблема сопротивленческого дискурса коренилась не в мифологичности и редуцированности как таковых, а в тех идеологических и геополитических смыслах, который несла в себе эта французская мифология, но также — в степени ее фактологической уязвимости. Смыслы все больше вступали в противоречие с постнациональной идейной парадигмой, возобладавшей на Западе к исходу XX столетия, с векторами французской и европейской политики и общественной мысли, с евроатлантистскими приоритетами французских элит. А уязвимость голлистского «сопротивленческого мифа» усиливалась тем, что он слишком сильно расходился с общей картиной крайне неоднозначной реальности, выдавая одну из ее граней за главную, единственно значимую часть.

Примечания

1. Очередной скандал разразился 15 ноября 2025 г., когда в Вердене, несмотря на запрет мэрии, состоялась месса в память маршала Петена, после чего на организаторов церемонии было заведено уголовное дело.
2. Показательно, что во франкоязычной Википедии дата 8 мая 1945 г. представлена именно в таком двойном значении (8 mai 1945 // Wikipedia. L'encyclopédie libre. — URL: fr.wikipedia.org/wiki/8_mai_1945 (РКН: сайт нарушает закон РФ). Материалы о протестах и убийствах 1945 г. в алжирских Сетифе, Гуэльме и Херрате непременно включаются 8 мая в программы ведущих французских СМИ.
3. В США планировали после освобождения материковой Франции подчинить ее Союзному военному управлению оккупированных территорий (AMGOT), как было сделано в Италии и ряде других стран. Кроме того, в 1942–1943 гг. Рузвельт и его дипломатические представители прорабатывали идеи перекройки политической карты Европы, с отделением от Франции нескольких частей ее территории [подробнее см.: Branca].
4. Масштабы внесудебных казней в период освобождения вызвали в стране острую полемику, которая, в свою очередь, стала неотрывной частью разгоревшейся партийно-политической борьбы. Подавляющее большинство таких расправ инкриминировали коммунистам, которые находились на пике своего влияния (28,6% на всеобщих выборах ноября 1946 г.). Число казненных по обвинению в коллаборационизме без суда и следствия, по официальным заключениям, составляло порядка 8–11 тыс., по другим данным — измерялось десятками или даже сотнями тысяч человек (см., напр.: Novick P. L'Épuration française (1944–1945). Paris. 1985; Aron R. Histoire de l'épuration. Paris. 1966–1975).

5. Философ Л. Ружье, вошедший в руководство Ассоциации по защите памяти маршала Петена, в 1946 г. издал в Бельгии книгу «Секретная миссия в Лондон», где утверждал, что в 1940 г. Петен якобы направлял через него предложения У. Черчиллю заключить секретное соглашение (*Rougier L. Mission secrete a Londres. Bruges. 1946*). Книга не поступала в продажу и распространялась по спискам.
6. AMGOT — Allied military government of occupied territories. См. примечание 3.

Литература

- Аникин Д.А., Яровая И.А. Политика памяти о Второй мировой войне в современной Франции: этнополитические факторы и партийные конфронтации // *Власть*. 2020. № 4. С. 131-137.
- Бурлаков А.Н. «Казус Петэна» в политической жизни современной Франции // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2019. №2. С. 115-131. — URL: j-locus.ru/wp-content/uploads/2020/05/2019-2-115.pdf (дата обращения: 26.03.2026).
- Виллар Ж. Странная война и предательство Виши. М. 1962.
- Дувет Д. Восстановить историю ее подлинно измерении // *Перспективы*. 14.11.2008. — URL: https://www.perspektivy.info/history/vosstanovit_istoriju_v_jejo_podlinnom_izmerenii_2008-11-14.htm (дата обращения: 26.03.2026).
- Канинская Г.Н. Две войны в зеркале французской истории // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2014. № 6. С. 361-394.
- Нарочницкая Е.А. Идейное наследие Шарля де Голля. II. Национальная парадигма. Часть 1. Понимание национальных реальностей // *Перспективы. Электронный журнал*. 2021. №2/3. С. 7-24. — URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/9ea/2_3_2021_0_7_24.pdf (дата обращения: 26.03.2026).
- Нарочницкая Е.А. Идейное наследие Шарля де Голля. II. Национальная парадигма. Часть 2. Концепт величия Франции // *Перспективы. Электронный журнал*. 2021. №2/3. С. 25-33. — URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/260/2_3_2021_0_25_33.pdf (дата обращения: 26.03.2026).
- Шерпер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // *Pro et Contra*. 2009. № 3-4 (Май-Август). С. 89-108.
- Amouroux H. Quarante millions de pétainistes : Juin 1940 — Juin 1941. Paris. 1978.*
- Aron R. Histoire de Vichy (1940-1944). Paris. 1954.*
- Azéma J.-P., Bédarida F. Vichy et ses historiens // Esprit. 1992. №. 181 (5). Pp. 43-51*
- Bertin-Maghit J.-P. «La bataille du rail » : de l'authenticité à la chanson de geste // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Avril-juin 1986. T. 33 N°2. Pp. 280-300.*
- Blanchard P., Veyrat-Masson I. Les guerres de mémoires : un objet d'étude ? // Tracés. Revue de Sciences humaines. 2009. № 9. P. 43-52. — URL: journals.openedition.org/traces/4319 (date of access: 26.03.2026).*
- Branca E. L'ami américain. Paris. 2022.*
- Dalisson R. Célébration de la fin de la Seconde Guerre mondiale : quelles évolutions depuis 1945? // Vie Publique. 04.03.2025. — URL: vie-publique.fr/questions-reponses/274242-quatre-questions-sur-le-8-mai-1945 (date of access: 26.03.2026).*
- Discours du général de Gaulle le 25 août 1944 // *Fondation Charles de Gaulle*. — URL: share.google/ApaKU6ullzloXufIQ (date of access: 26.03.2026).

Hoffman S. Collaborationism in France during World War II // *The Journal of Modern History*. V.40. 1968. №3. sept. P. 375-395. — URL: [jstor.org/stable/i332244](https://www.jstor.org/stable/i332244) (date of access: 26.03.2026).

Joly L. Le savoir des victimes. Comment on a écrit l'histoire de Vichy et du génocide des juifs de 1945 à nos jours. Paris. 2025.

Le regard des Français sur la collaboration. Ifop pour l'Observatoire Histoire & Vie publique. IFOP. Janvier 2026. — URL: [ifop.com/wp-content/uploads/2026/02/122186-rapport-ifop.pdf](https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2026/02/122186-rapport-ifop.pdf) (date of access: 26.03.2026).

Participer au concours national de la Résistance et de la Déportation // France Archives. 21.10.2025. — URL: francearchives.gouv.fr/fr/article/82509171 (date of access: 26.03.2026).

Peyrefitte A. C'était de. Paris. T. 2. 1997.

Rouso H. Le syndrome de Vichy (1944-1987). Paris. 1987.

Rouso H., Petit F. La hantise du passé. Paris. 1998.

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ